

В отличие от белого и черного, красный цвет относится к хроматическим. Символические значения красного определяются «видом» крови: кровь животных, кровь убийства.

Фразеологизмы с цветонаименованием **улан** красный:

Улан *холдан эрэ торх* – еле остаться в живых. **Улан** *зандн цэ* – крепкий ароматный чай. **Улан** *махмудтан курх* – обнищать. **Улан** *махч күүкд* – нищие дети. **Улан** *холан сунтл хээкрх* – (букв. кричать, пока не растянется красное горло) кричать во все горло. **Улан** *хорха* – (букв. красный червь (дождевой) очень жадный человек. **Улан** *чирэһэрни үзх* – фраз. встретиться лицом к лицу. **Улан** *махн болтльн цох* – (букв. до красного мяса избить) жестоко избивать кого-либо до полусмерти (Бардан, Пүрбэн, Муни́н, 1990: 94-95).

Цвет сопровождает человека повсюду, оказывая на него физиологическое воздействие и вызывая различные ощущения – тепла или холода, бодрости или уныния, радости или беспокойства, т. е. основные функции цвета – магическая, информационная и декоративная.

Названия цветов спектра пользуются повышенным вниманием лингвистов. Данные лексические единицы обладают ярко выраженной национальной спецификой, и поэтому на их примере нередко рассматривается вопрос о связи языка и культуры, доказываемая национально-культурная специфика языкового сознания.

Формирование цветообозначений, их жизнь в языке тесно связаны с жизнью общества и людей: с особенностями быта, торговли, с развитием ремесел, техники, со сменой верований, обычаев, вкуса и моды.

Для национальной культуры калмыков свойственно обостренное восприятие определенного цветового спектра, а также наделение некоторых цветов устойчивыми символическими характеристиками, которые формируют четкие семантические комплексы.

Категория цвета интересна для исследователей различных направлений тем, что проходит буквально через все уровни культуры народа в целом. Спектр основных цветов запечатлен в традиционной культуре народа, а именно в его устном народном творчестве, на основании изучения которого делаются выводы о национальной специфичности восприятия данной категории картины мира.

Таким образом, категория цвета в жизни калмыцкого народа многозначна, она вносит дополнения в понимание калмыцкой культуры, в выделение национальных черт в характере народа, в его видении мира.

Литература

Бардан, Э., Пүрбэн, Г., Муни́н, Б. Хальмг келнэ келц үгмүдин толь. – Элст, 1990.

Ткачев, В. Н. Цвет и пространство в монгольской архитектуре // Народы Азии и Африки, № 3. – М., 1984. – С. 107-113.

Пюрбеев, Г. Ц. Об эпической фразеологии монгольских народов (по материалам эпосов «Джангар» и «Абай Гэсэр»). – Джангар, 1980.

Summary. This article is devoted to the study of color concepts, represented the view of the world of the Kalmyks in phraseology Kalmyk language. The color palette of the Kalmyks is different variety of shades and tones of transition, so as a base for the world view of the Kalmyks we identify three colors – white, black, red.

Григорьева Е. А.

КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ АНАЛИЗА ПАРЕМИЙ, ВЕРБАЛИЗУЮЩИХ КОНЦЕПТ «FAILURE»

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
grigorieva@bsu.edu.ru

В настоящее время в лингвистической науке повышается интерес к паремическим языковым единицам при исследовании концепта. Данная тенденция не случайна: в паремическом составе любого языка наиболее ярко проявляются неповторимость, своеобразие быта и характерные особенности жизни того или иного народа, конденсируется сложный комплекс культуры и психологии данного этноса, уникальный способ его об-

разного мышления; паремика наиболее отчетливо характеризует уклад жизни народа, его ценности и ментальность. Фразеологи справедливо утверждают, что паремии служат средством освоения эмпирически познаваемой действительности и ее оценки, представленной в образах-эталонах, что имеют непосредственное отношение к условиям жизни носителей языка, их культуре, поскольку **«язык фразеологизмов несет в себе отражение духовной и материальной культуры народа»** (Маслова, 1988: 120). Типичность образов, которые формируют концептуальную структуру паремий, их функционирование в составе символов, эталонов мировоззрения, – это результат коллективного внутрирефлексивного опыта этноса. Образное содержание пословиц служит ключом для культурно-национальной интерпретации, так как отражает характерные особенности этнического мировоззрения (Телия, 1996: 249).

Вопрос о статусе паремий все еще остается сложным в теории языка. Как известно, единицами паремиологии признаются пословица и поговорка.

В отечественной лингвистической традиции довольно часто обращается внимание на отличие пословицы от поговорки. Пословицы представляют собой краткие, устойчивые в речевом обиходе, ритмически организованные изречения назидательного характера (БЭС, 1998: 389). Поговорка – краткое изречение, нередко назидательного характера, имеющее в отличие от пословицы, только буквальный план и в грамматическом отношении являющее собой законченное предложение (Там же: 379). Как правило, разграничение пословицы с другими близкими ей образованиями проводится по двум критериям – структурному и семантическому. У Г. Л. Пермякова определяющим фактором для разграничения пословицы и поговорки является структурный критерий. По его определению пословица – **«замкнутая, целиком клишированная структура»**, поговорка – **«незамкнутая структура, изменяемая или дополняемая в речи»** (Пермяков, 1970: 9). В. П. Жуков выбирает в качестве классифицирующего критерия семантический. Согласно его точке зрения, и пословицы, и поговорки представляют собой законченные предложения, в основе которых лежат суждения. Пословицы – **«устойчивые народные изречения, имеющие только переносный или буквальный и переносный смысл»** (It never rains but it pours; Hasty climbers have sudden falls). Поговорки – это **«краткие народные изречения, имеющие только буквальное значение»** (We know not what is good until we have lost it; Everything comes to him who waits). (Жуков, 1991: 11-12). А. И. Гаевая проводит различие между поговорками и пословицами как безобразными и образными предикативными единицами (Гаевая, 1990: 7).

В английской лингвистической литературе термины «пословица» и «поговорка» жестко не разграничиваются; им соответствуют proverb, maxim, saying, adage. О. Г. Дубровская указывает, что пословицы английского языка – эпиграммы, максимы, чаще литературного происхождения (Дубровская, 2000: 21). К. Янка считает, что пословицы, как правило, метафоричны, а неметафорические единицы относятся к максимам или афоризмам (Yanka, 1994: 139). По мнению Н. Барли, единицы, имеющие прямой обобщенный смысл, – максимы, а пословицы метафоричны и содержат как частные, так и общие утверждения (Барли, 1984: 129-130).

Современные зарубежные исследователи стремятся выделить определенные пословичные маркеры, которые рассматриваются как характерные признаки пословицы, но не как основа для ее разграничения с близкими паремиологическими единицами. К таким маркерам могут относиться: 1) фонетические маркеры (аллитерация, ассонанс, рифма, ритм); 2) семантические (олицетворение, гиперболы, парадокс, метафора, сравнение, ирония); 3) грамматические (отсутствие личных местоимений, параллелизм синтаксической структуры и т. п.); 4) лексические (архаизмы, историзмы) (Mieder, 1993).

В английских лингвистических словарях пословица определяется как краткое, остроумное высказывание, имеющее мораль и выражающее общепринятую, традиционную мудрость в образной форме, легкой для запоминания и передачи от поколения к поколению. Исследователи единодушно подчеркивают, что пословица – это изречение, выражающее народную мудрость, проверенную опытом предшествующих поколений, которой свойственна дидактическая функция, побуждение следовать определенным моральным нормам (Rogers, 1994: 162). Важным признаком пословицы считается также фактор традиционности, под которой понимается длительное и широкое употребление в народной устной речи (Rogers, 1994: 162; Mieder, 1993: 298).

В настоящей работе, вслед за Т. Н. Федуленковой паремии (пословицы и поговорки) рассматриваются как коммуникативные ФЕ (Федуленкова, 2000: 69), под которыми

понимаются вторичные языковые знаки – замкнутые устойчивые фразы, являющиеся маркерами ситуаций или отношений между реалиями.

Следует отметить, что, несмотря на то, что в лингвистической литературе отсутствуют четкие критерии разграничения пословиц и поговорок, бесспорным, однако, признается тот факт, что и те и другие в большинстве случаев представляют собой образные выражения, в которых одновременно реализуются буквальное и переносное значения. Способ номинативности в пословицах и поговорках – особая языковая концептуализация реальной действительности, поскольку в данных текстах присутствует вторичная номинация, применяемая **«с целью образного называния денотата по его характерным признакам»** (Волоцкая, 1981: 96). Благодаря глубинным структурам человеческого мышления, вскрывающего связи прототипов и скрытых за ними смыслов и закономерностей, возникают метафорические, метонимические, парадоксальные пословицы и поговорки. **«Любая пословица и поговорка делает возможным сосуществование двух картин мира: научно-бытовой, которая представляет собой буквально проинтерпретированные единицы, иными словами, их прототипические сцены, и эмоционально-субъективной, являющейся переосмыслением первой картины мира, переносным значением единиц, лежащих в ее основе»** (Магировская, 1999: 99-100). Именно эмоционально-субъективная картина мира представляет собой национально-специфичный лингвистический образ. Например, в пословице *«Too many cooks spoil the broth»* первоначальный, буквальный смысл представляет собой результат наблюдения за повседневной деятельностью людей и состоит в справедливой констатации факта: если на кухне будут работать несколько поваров, то у них возникнут разногласия относительно правильного рецепта и алгоритма приготовления супа (необходимое количество соли, перца, приправ и т. д.), они начнут спорить, мешать друг другу, и в итоге будет испорчено не только блюдо, но и весь обед. Второй, скрытый, глубинный смысл данной паремии заключен в возможности расширенного, метафорического толкования образов, заложенных в описании ситуации, которая может быть применима ко многим другим совместным предприятиям: она содержит предупреждение о том, что если слишком много людей одновременно попытаются делать одно и то же, то воцарится хаос, их деятельность не будет успешной и они не достигнут желаемой цели (ср. У семи нянек дитя без глазу).

Паремии наиболее ярко отражают особенности мировосприятия этноса благодаря таким своим свойствам, как лаконичность, содержательная емкость, структурно-семантическая завершенность. Пословицы и поговорки охватывают практически всю ненаучную (бытовую) сторону жизни той или иной лингвокультурной общности, репрезентируя тем самым так называемую «наивную» картину мира, отражаемую в их тематике (паремии о любви и дружбе, труде и лени, счастье и несчастье, успехе и неудаче и т. д.). Так, например, идея о том, что несчастье труднопреодолимо, выражается пословицей *«Mischiefs come by round and go away by ounce»* (ср. Беда не приходит одна). Для передачи мысли о том, что беды обрушиваются (приходят – *come*) на людей в большом количестве, а преодолеваются (уходят – *go away*) достаточно медленно, используется количественное противопоставление *«by round»* – *«by ounce»*. В данном случае задействуются английские реалии материальной сферы – меры веса (фунты и унции). Выбор такой языковой формы мотивирован знанием носителя английского языка конкретных величин (фунт равен 16 унциям). Представления англичан о погодных условиях в «Туманном Альбионе» послужили основой для образного осмысления концепта «несчастье», вербализуемого пословицей *«It never rains but it pours»*.

Пословицы и поговорки на определенную тему являются свидетельством актуальности данной сферы для ценностной картины мира народа. Они представляют собой не только своеобразный вид интерпретации понятия, но и служат средством оценки событий, действий, поведения и т. д.

Оценочность и экспрессивность являются своеобразными индикаторами национальной самобытности паремий, поскольку в процессе их переосмысления возникает дополнительное к рациональной оценке эмоциональное восприятие определенного концепта, описываемого ими.

Так, отрицательно оцениваются такие качества личности, способные стать причиной поражения, провала, неудачи, нашедшие отражение в следующих паремиях, как, например: лень, нежелание прилагать усилия для достижения цели: *No rains, no gains; No*

sweet without some sweat; Idle (lazy) folk (people) take the most pains; трусость: Nothing venture – nothing gained; Faint heart never won fair lady; жадность: A penny soul never came to twopence; мотовство, небрежное отношение к деньгам: He that (who) goes a-borrowing, goes a-sorrowing; Waste not, want not; Wilful waste makes woeful want; хвастовство, бахвальство: If you cannot bite, never show your teeth; The greatest talkers are the least doers; невежество, недостаток знаний, опыта в каком-либо деле: Zeal without knowledge (is a run-away horse); Jack of all trades and master of none и т. п.

“Oh, he gave up the sea many years ago. He’s been all sorts of things since then.” “Jack of all trades and master of none”, said my uncle. (Maugham, “Cakes and Ale”)

Объектами же положительной оценки являются такие нормы поведения и качества личности, знание и проявление которых позволят выбрать в определенной ситуации верную стратегию и, таким образом, помогут избежать неудачи и, следовательно, отсутствие которых может стать причиной фиаско: терпение, настойчивость, умение преодолевать препятствия: Slow and steady (slow but sure) wins the race; He that seeks finds (Nothing seek, nothing find); осторожность, предусмотрительность: Score twice before you cut once; First think, then speak; The night brings counsel; A stumble may prevent a fall; наличие позитивной мотивации к деятельности: Where there’s a will there’s a way; Nothing is impossible to a willing heart; сплоченность, единение: There is safety in numbers; United we stand, divided we fall; решительность: You never know what you can do till you try (it); Grasp the nettle and it won’t sting you; умение объективно оценивать свои возможности, способности: Put your hand (stretch your arm) no further than your sleeve will reach; Grasp all, lose all и т. п.

“There was a little excitement in going to this mysterious meeting. I wondered whether it was a trap arranged by the amiable Ercole to get me in his power and rid himself of my unpleasant person. But faint heart never won fair lady, and even if set on me with two or three others, I should be able to give a reasonable account of myself.” (Maugham, “The making of a Saint”)

Паремии, объективирующие исследуемый концепт, дают широкий спектр ситуативных проявлений оценочного отношения к неудаче; в них выражены ценностно значимые стереотипы, нормы поведения и действия в конкретных ситуациях. Пословицы и поговорки выступают, таким образом, неким сводом жизненных правил, поведенческих и деятельностных стратегий.

Возвращаясь к семантике паремий, следует отметить, что проблема значения пословиц и поговорок относится к числу наиболее сложных во фразеологии. Исследователи функционирования пословиц в речи считают, что описать значение пословицы возможно только в определенном контексте, поскольку многие метафорические пословицы допускают различные интерпретации. В отечественной лингвистике разграничивают значение и смысл пословицы. По мнению Ю. И. Левина, референциальное значение пословицы составляет ее смысл, который во многом зависит от ситуации употребления, значение же пословицы может быть передано с помощью метаязыка, без учета языковых и образных характеристик пословицы (Левин, 1984: 109-110). В. В. Гвоздев выделяет два типа значения пословицы – инвариантное и конкретно-ситуативное (Гвоздев, 1983: 4, 7).

Достаточно обоснованным представляется когнитивный анализ семантики пословиц, предложенный Е. В. Ивановой. Исследователь, опираясь на концептуальную теорию значения Р. В. Лангакера, характеризующей семантическую структуру значения как особый вид концептуальной структуры, что является основой когнитивного подхода к семантике языковой единицы, полагает, что значение пословицы должно рассматриваться как концептуальное отображение определенного «участка» мира, определенное знание о мире, свойственное социуму (Иванова, 2006: 27). По ее мнению **«основой когнитивной модели пословицы являются когнитивный уровень значения, на котором содержится накопленное социумом знание об опыте существования в мире и когнитивный уровень внутренней формы (ВФ), который отражает бытовые представления, выступает как своего рода «картинка» повседневной жизни»** (Иванова 2003: 11). Между двумя когнитивными уровнями существует три основных типа отношений: 1) Когнитивные уровни ВФ и значения совпадают (пословицы-максимы): приватно к настоящему исследованию, например: The worth of a thing is best known by the want of it. – Что имеем – не храним, потерявши – плачем. Never do things by halves. – Никогда не делай дело наполовину. 2) Когнитивные уровни не совпадают (пословицы-метафоры): Every tub must (should) stand on its own bottom. – На бога надейся, а сам не плошай. There are more ways of killing a dog than (by) hanging. – Есть много способов до-

биться своего. 3) Пересечение (частичное наложение ВФ и значения) двух когнитивных уровней (в большинстве, пословицы-метафоры): *As a tree falls, so shall it lie.* – Куда дерево клонилось, туда и повалилось. *You cannot flay the same ox twice.* – С одного вола двух шкур не дерут.

Согласно Е. В. Ивановой, пословица является одновременно и фреймом и сценарием. Пословица описывает стереотипную ситуацию, а в случае переносного значения – две стереотипные ситуации, соотнесенные со значением и ВФ, т. е. представляет собой своеобразный двойной фрейм (Иванова, 2006: 83). Пословица представляет собой не только фрейм, но и сценарий, в большинстве случаев имплицитную рекомендацию, как надо действовать, исходя из ситуации фрейма. Например, пословица «*Every path has a puddle*» представляет собой двойной фрейм – схему знания двух ситуаций. Во-первых, в ней представлен практический опыт, заключающийся в том, что любая дорога, тропинка не совершенна (на ней могут быть камни, ямы, лужи и т. п.); во-вторых, в схему двойного фрейма входит более обобщенное знание того факта, что жизнь – трудное испытание, на жизненном пути или на пути к достижению цели могут быть препятствия. Однако заключенное в данной пословице знание имплицитно предполагает некоторые сценарии возможных действий: если есть препятствия, надо быть внимательным, чтобы избежать столкновения с ними или действовать так, чтобы их преодолеть. Набор сценариев в пословице заложен потенциально, при ее употреблении в речи реализуется один или два. Пословичный сценарий можно рассматривать как разновидность смысла-инструкции; он как и фрейм, может быть двойным: *Don't try to fly without wings; If you cannot bite never show your teeth.*

Таким образом, будучи фреймом, пословица суммирует опыт и подводит итог прошлому, будучи сценарием, она выполняет моралистически-дидактическую функцию и тем самым обращена в будущее. Пословицы можно рассматривать как модели социального контекста, так как в них суммируются общие черты различных частных ситуаций, и формируется сценарий поведения.

Обобщая вышеизложенное, следует отметить, что анализ паремических единиц позволяет раскрыть национальное своеобразие исследуемого концепта и делает возможным выявление дополнительных аспектов его выражения, связанных, в том числе, и с оценочными характеристиками. Пословицы и поговорки отчетливо фиксируют специфику образного языкового мышления этноса, особенности его культуры, т. е. взаимоотношения языка, мышления и действительности предстают в паремиях в сложном, многоркурсном взаимодействии.

Литература

- Барли, Н. Структурный подход к пословице и максиме / Н. Барли // Паремнологические исследования: Сб. статей, М.: Наука, 1984. – С. 127-148.
- Волоцкая, З. М. Способы номинации в загадках (к вопросу о произвольности языкового знака) // Структура текста – 81. – М.: Наука, 1981. – С. 96-99.
- Гаевая, А. И. Структурно-семантическая характеристика пословиц качественной оценки лица современного русского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. И. Гаевая. – М., 1990. – 15 с.
- Гвоздев, В. В. Место пословиц как структурно-семантических образований в языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / В. В. Гвоздев. – М., 1983. – 24 с.
- Дубровская, О. Г. Лингвокультурологический аспект сопоставительного исследования русских и английских пословиц об уме и глупости: дис. ... канд. филол. наук / О. Г. Дубровская. Тюмень, 2000. – 260 с.
- Жуков В. П. Предисловие : о словаре пословиц и поговорок // Словарь русских пословиц и поговорок. – М.: «Рус.яз.», 1991. – С. 9-17.
- Иванова, Е. В. Пословичная концептуализация мира (на материале английских и русских пословиц): автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Е. В. Иванова. – Санкт-Петербург, 2003. – 38 с.
- Иванова, Е. В. Мир в английских и русских пословицах: Учебное пособие / Е. В. Иванова. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та; Филол. ф-т СПбГУ, 2006. – 280 с.
- Левин, Ю. И. Провербиальное пространство // Паремнологические исследования: Сб. статей. – М.: Наука, 1984. – С. 108-126.
- Магировская, О. В. Особенности отражения национальной картины мира текстами пословиц и поговорок / О. В. Магировская // Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики: Сб. науч. тр. Выпуск 2. – Красноярск: РИО КГПУ, 1999. – С. 99-103.
- Маслова, В. А. Экспериментальное изучение национально-культурной специфики внешних и внутренних качеств человека (на материале киргизского языка) / В. А. Маслова // Этнопсихология. – М.: Наука, 1988. – С. 110-141.

Пермяков, Г. Л. От поговорки до сказки (Заметки по общей теории клише) / Г. Л. Пермяков. – М.: Наука, 1970. – 271 с.

Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.

Федуленкова, Т. Н. Английская фразеология: Курс лекций / Т. Н. Федуленкова. – Архангельск: Поморский государственный университет, 2000. – 132 с.

Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева // 2-е изд. – М.: Большая российская энциклопедия, 1998. – 685 с.: ил. – БЭС.

Mieder, W. Proverbs are never out of fashion. Popular wisdom in the modern age. / W. Mieder. – N. Y.: Oxford University Press, 1993. – 302 p.

Rogers, T. B. Psychological approaches to proverbs. A treatise on the import of context // Wise words. Essays on the proverb / Ed. By W. Mieder. – N.Y., 1994. – P. 159-181.

Yankah, K. Do proverbs contradict? // Wise words. Essays on the proverb / Ed. by W. Mieder. – N.Y., 1994. – P. 127-142.

Summary. The article deals with some aspects of cognitive analysis of semantics of proverbs when researching into a specific concept. The paper also touches upon the question of the status of proverbs in phraseology.

Задорожная И. П., Евчук А. Н.

**ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОДУКТИВНОСТЬ ЛЕКСИЧЕСКИХ КОМПОНЕНТОВ
МНОГОЗНАЧНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ
(на материале немецкого языка)**

Украина, г. Черновцы, Черновицкий национальный университет
им. Юрия Федьковича
irazadorozhna@yahoo.de, feodosivitya@rambler.ru

Фразеологическая единица (далее ФЕ) – это соединение как минимум двух слов с полным или частичным переосмыслением компонентов, значение которых соответственно не является суммой значений этих компонентов. Тем не менее, оно зависит от их значений (Бажутина, 1983: 4), а анализ компонентов ФЕ (в том числе и количественный) помогает раскрыть природу таких сложных языковых единиц, какими являются ФЕ и в особенности многозначные ФЕ (далее МФЕ).

Таким образом, объектом нашего исследования являются многозначные немецкоязычные ФЕ (общее количество 1046 единиц), отобранные методом сплошной выборки из фразеологических словарей (материал исследования), а предметом – фразеологическая продуктивность лексических единиц, употребляемых в этих ФЕ.

Цель исследования – провести с помощью количественных методов лексико-семантический анализ компонентного состава МФЕ, а задача – выявить наиболее продуктивные лексические единицы в составе МФЕ и сравнить результаты с результатами, полученными на основе анализа всех немецкоязычных ФЕ (Задорожна, 2003)

В результате исследования выявлено, что в составе МФЕ чаще всего употребляются существительные – 574 лексемы (59, 4%) и 855 словоупотреблений (43 %). Именно существительные являются ядром ФЕ, они легче поддаются метафоризации, чаще употребляются для номинации, отличаются своими разнообразием и их больше всего в словарном составе языка.

Далее идут глаголы (292 единицы (30, 2 %) – 935 словоупотреблений (47 %) и прилагательные (101 лексема (10, 4 %) – 191 словоупотребление (10 %), что в основном соответствует данным, полученным на основе анализа всех немецкоязычных ФЕ, за исключением прилагательных которые употребляются в составе МФЕ в 1, 5 раза реже, чем в среднем во всех ФЕ.

Наиболее продуктивными существительными (или наиболее частотными, употребляемыми) в составе МФЕ являются “Hand”, “Bein”, “Auge” и “Kopf” (см. табл. 1)